

Лекция
Литература периода укрепления централизованного Русского государства
(конец XV – XVI века)

План лекции

- 1. Социально-политические особенности жизни России в конце XV - XVI веке и развитие русской литературы.**
- 2. «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле».**
- 3. Литературные памятники XVI века, отразившие политику государственного централизма (летописные своды, «Великие Четьи – Минеи», «Степенная книга». «Домострой»).**
- 4. Публицистическая литература XVI века:**
 - а) послание старца Филофея псковского Василию III;**
 - б) «Сказание о князьях Владимирских»;**
 - в) литературная деятельность Максима Грека и митрополита Даниила;**
 - г) Иван Пересветов как дворянский публицист, его «Сказание о Магмете - салтане».**
- 5. Переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского.**
- 6. «Повесть о Петре о Февронии Муромских».**

1. Социально-политические особенности жизни России в конце XV - XVI веке и развитие русской литературы.

История Руси конца XV – XVI веков отмечена целым рядом значительных событий:

1480 год – противостояние московских и татарских войск на реке Угре, окончательное свержение монголо-татарского ига;

1480–1505 годы – присоединение Иваном III к Москве, Твери и Верейско–Белозерского, Углицкого и Волоколамского княжеств, завершение объединения всех центральных русских земель;

1497 год – гербом Российского государства становится византийский герб – двуглавый орел;

1503–1510 годы – борьба церковных группировок «стяжателей» и «нестяжателей»;

1505 – 1533 годы – правление Василия III (в летописях он назвался «последним собирателем Руси»), присоединение к Москве Пскова, Волоцкого удела, Рязанского, и Новгород - Северского княжеств;

1533–1584 годы – правление Ивана IV Грозного;

50-60-е годы XVI века – завоевание Казанского (1552) и Астраханского (1556) царств;

1558 – 1583 годы – Ливонская война (за выход к Балтийскому морю);

1564–1572 годы – опричнина;

1570 годы – погром Новгорода, массовые казни в Москве;

1581 годы – начало завоевания Ермаком Сибири;

1584–1598 годы – царствование Федора Ивановича (фактическое правление Бориса Годунова).

1591 – смерть царевича Дмитрия в Угличе;

1598 год – завершение многовекового правления династии Рюриковичей, приход к власти Бориса Годунова.

Ивану III (1462 – 1505) удалось окончательно ликвидировать монголо-татарское иго (1480 год) и практически завершить объединение северо – восточной Руси. В 1489 году в состав Московского княжества вошли Тверь (ее бояре принесли присягу Ивану III подошедшему к городу с большим войском) и Вятская земля.

Раздробленность постепенно сменялась централизацией. Иван III после присоединения Твери получил почетный титул «Божией милостью государя всея Руси, великого князя Владимирского и Московского, Новгородского и Псковского, и Тверского и Югорского, и Пермского, и Болгарского и иных земель».

Дело отца продолжил Василий III, которого летописцы называют «последним собирателем русских земель». Подобно Ивану III он боролся за устранение уделов, смог присоединить к Москве Псков, отвоєванный у Литвы Смоленск, Волоцкий удел, Новгород–Северское и Рязанские земли.

Таким образом, в первые десятилетия XVI века заканчивается поглощение Москвой отдельных вотчинно – феодальных областей, завершается процесс объединения северо–восточной и северо–западной Руси. Образовалась крупнейшая в Европе держава, которая с конца XV века стала называться Россией.

Русская церковь сыграла видную роль в объединительном процессе. Духовенство, особенно монашество, издавна приняло на себя хозяйственные функции, и монастыри были, в сущности, крупными вотчинами, имевшими свое большое хозяйство и промыслы. В интересах церкви, связанной с товарно-денежными отношениями, было содействовать объединению Руси, в котором ведущую роль играла Москва и которое, как сказано выше, и в политическом отношении также происходило в результате развития товарно-денежных отношений.

Внутри церкви в указанный период шла борьба, связанная с появлением ересей. В конце XV века в Новгороде, а затем в Москве распространилась ересь жидовствующих (ее зачинателем считали

еврейского купца). Еретики отрицали власть священников и требовали равенства всех людей. Это означало, что монастыри не имеют права владеть землей и крестьянами. Воинствующие церковники во главе с основателем Успенского монастыря (ныне Иосифо–Волоколамский монастырь под Москвой) Иосифом Волоцким резко выступили против еретиков. Иосиф и его последователи (иосифляне или стяжатели) отстаивали право церкви владеть землей и крестьянами. Оппоненты иосифлян также не поддерживали еретиков, но возражали против накопления богатств и земельных владений церкви. Последователей этой точки зрения называли нестяжателями или сориянцами – по имени Нила Сорского, уединившегося в ските на реке Соре на Вологодчине.

Иван III на церковном соборе 1502 года поддержал иосифлян. Церковное и монастырское землевладение сохранилось. Церковные иерархи провозгласили самодержца царем земным, властью своей подобной Богу.

XVI век был в первую очередь связан с именем Ивана Грозного (1533 – 1584). Начало правления малолетнего Ивана IV стало временем боярского правления, которое привело к ослаблению центральной власти. Став полновластным правителем, Иван IV повел активную борьбу с боярами; он считал, основным препятствием к установлению сильной самодержавной власти боярские привилегии и княжескую оппозицию. Стремясь уничтожить сепаратизм феодальной знати, Грозный ввел опричину, которая сопровождалась казнями и репрессиями. Жесточайшему разгрому подверглись центр и северо – запад русских земель, где боярство было особенно сильным. В 1569 году был предпринят поход на Новгород, жители которого якобы хотели перейти к Литве. По дороге разгрому подверглись города Клин, Торжок, Тверь. В самом Новгороде погром длился шесть недель, были убиты тысячи его жителей.

Монголо-татарское иго было окончательно ликвидировано еще при Иване III, но создавшиеся в результате распада Золотой Орды Казанское и Астраханское ханства постоянно угрожали русским землям. Поэтому Иван IV повел с ними борьбу, которая завершилась взятием Казанского (1552 год) и Астраханского ханства (1556 год). Таким образом, новые плодородные земли и весь Волжский торговый путь оказались в составе России. Война за выход к Балтийскому морю, которая велась более 25 лет, оказалась менее успешной. Неудача Ливонской войны в конечном итоге оказалась следствием экономической отсталости России, которая не могла выдержать длительную борьбу с сильными противниками.

Правление Ивана Грозного во многом предопределило ход дальнейшей истории страны – «поруку» 70 – 80-х годов XVI века и тот сложный узел противоречий рубежа XVI –XVII веков, которое современники называли Смутой. После смерти Ивана Грозного на престоле оказывается его сын Федор Иоаннович (1584-1598), страной фактически правит Борис Годунов. Смерть Федора обозначает окончание династии Рюриковичей.

Таким образом, можно сказать что

- рост политического и военного могущества Руси привел к окончательной ликвидации монголо-татарского ига и победе русских над своими недавними врагами (разгром Казанского и Астраханского царств);

- к концу XV века было в основном завершено объединение северо - восточных и северо-западных земель вокруг Москвы. Образовалась крупнейшая в Европе держава, которая с конца XV века стала называться Россией. При Иване IV государство все более разрастается. Территория страны к концу его правления увеличилась более чем в 10 раз в сравнение с тем, что унаследовал его дед Иван III в середине XV столетия;

- процесс становления централизованного государства проходил в напряженной политической и идеологической борьбе. Родовитая знать, бояре-вотчинники отстаивали старые удельные порядки, боролись за то, чтобы сохранить в своих землях бесконтрольную власть. Им противостоял царь и заинтересованные в укреплении его власти дворяне.

Окончательная ликвидация монголо-татарского ига дает мощный толчок развитию литературы. Завершение процесса формирования единого государства и укрепление централизованной власти приводит к объединению областных литератур в единую общерусскую.

После того как Москва к началу XVI века окончательно собрала вокруг себя независимые ранее области, литература в них в основном перестала питаться теми идейными и политическими побуждениями, которые характеризовали ту или иную область, и потому, естественно, стала слабеть и терять свои самобытные особенности. Влившись в широкий поток общерусской литературы, областные литературы сами были использованы Москвой, которая в своих объединительных тенденциях ассимилировала накопленный запас литературных памятников, постепенно стирая в них черты областной исключительности и приспособляя их к прочно утвердившейся идеологии всероссийского Московского царства – «третьего Рима». Местные предания и после этого подвергались литературной обработке, но, за редкими исключениями, в духе, уже не противоречившем общему направлению литературы, выросшей и развившейся на московской почве.

Естественным следствием процесса, происходившего в общественной жизни (объединение земель вокруг Москвы, которая стала политическим, религиозным и культурным центром Руси) явилось создание многочисленных обобщающих произведений, как церковного, так и светского характера («Великие Четыри - Минеи», «Домострой», общерусские летописные своды).

Образование государства с централизованной властью самодержавного царя, опирающегося на служилое дворянство и вступающего с энергичную борьбу с крупными князьями и боярами, отстаивающими старые формы феодальной раздробленности, приводит к небывалому ранее расцвету публицистики. Политическая борьба между двумя основными группами господствующего класса находит свое выражение в памятниках, проникнутых незамаскированными политическими тенденциями. Публицистические произведения характеризуются необычайным жанровым многообразием («Сказание о князьях Владимирских», «Сказание о Магмете - салтане» И. Пересветова, послания Ивана Грозного и Андрея Курбского). В послании монаха Елиазарова монастыря Филофея к Василию III была окончательно сформулирована теория «Москва - третий Рим», в дальнейшем нашедшая отражение в «Сказании о князьях Владимирских».

Вопрос о правах и обязанностях верховного властителя, его личных качествах ставится не только в публицистическом «Сказании о Магмете-Салтане», но и в «Повести о мутьянском воеводе Дракуле», принадлежащей к числу легендарно-исторических повестей. С появлением этой повести, отличающейся занимательным сюжетом и лишенной дидактизма и провиденциализма, связывают зарождение отечественной художественной литературы.

Как начальный этап в развитии светской бытовой повести принято рассматривать «Повесть о Петре и Февронии Муромских», для которой характерно наличие поэтического вымысла и ориентация на традиции народных сказок.

Навстречу объединительным задачам, которые ставила перед собой Московская Русь, шло и книгопечатание. Первая типография в Москве была открыта не позже 1563 года, хотя есть данные, позволяющие думать, что первые опыты книгопечатания в Москве делались еще лет за десять до этой даты и реализовались выпуском четырех анонимных, недатированных богослужебных книг. В настоящее время считается, что первая печатная русская книга (Евангелие) была издана в 1553 году. Ее напечатали в типографии, основанной Алексеем Адашевым. Первыми известными печатниками являются Иван Фёдоров, Петр Мстиславец и, быть может, Маруша Нефедьев. Первой датированной печатной книгой, известной в настоящее время, считается «Апостол», вышедший в 1564 году. В дальнейшем, даже в XVII веке, печатались преимущественно книги богослужебные: объединённая московская церковь только при помощи типографского станка могла устранить тот разнобой, который характеризовал собой русскую богослужебную литературу.

2. «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле».

«Повесть» была создана в последней четверти XV века.

Историческим прототипом героя произведения являлся Влад Цепеш, бывший в 1456 –1462 и 1476 годах воеводой в Мутьянской земле (позже вошедшей в состав Румынии). Влад IV, получивший за свою жестокость прозвище Цепеш (от слова «сажание на кол»), в русском тексте назван «Дракула», то есть «дьявол».

Вопрос о том, является ли «Повесть о Дракуле» произведением оригинальным или заимствованным, спорен. Еще в начале 40-х годов XIX века Востоков А.Х., основываясь на заключительной части повести, где сказано о сыновьях Дракулы: *«Един при кравеле сыне живет, а другой был у варданскаго бископа и при нас умре, а третьяго сына старейшаго Михаила тут же на Будину видехом»*, заключает, что автор был в Венгрии при короле Матвее. А так как в 1482 году Иван III посылал к этому королю дьяка Федора Курицына для утверждения мирного договора, то Востоков считал вероятным написание повести или самим Курицыным, или кем-либо из его свиты – на основании рассказов очевидцев или людей, в памяти которых еще свежо было воспоминание о Цепеше. Но очевидно, что сыновей Дракулы мог видеть кто угодно и не обязательно русский автор, и то, что поездка Федора Курицына в Венгрию совпала со временем пребывания этих сыновей в Будине, слишком мало еще говорит в пользу авторства Курицына или члена его посольства.

В дальнейшем ряд исследователей приписывали повести то русское, то иностранное происхождение (сохранились позднейшие старонемецкие тексты, в которых фигурирует Дракула). В частности, Соболевский А.И. полагал, что повесть восходит к одному из летучих листков XV века, но что редактором или переводчиком ее мог быть Федор Курицын. Седельников А.Д. отвергает авторство Курицына, вернувшегося в Москву лишь в 1486 году, на том основании, что старейший список повести, датированный 1490 годом, как указано в тексте, восходит к списку, датируемому 13 февраля 1486 года. Хронологическое затруднение здесь оказывается тем более очевидным, что самый оригинал списка 1486 года, естественно, должен иметь еще более раннюю датировку. Не исключена, однако, по мнению Седельникова, возможность других, неофициальных сношений Москвы с Венгрией и посольств в

Венгрию. Быть может, автор повести и был в Венгрии одновременно с посольством Курицына, но вернулся в Москву раньше и другим путем. В самой форме повести исследователь видит один из старейших образцов «сказок-отписок», исходивших из посольской среды и позже.

Воевода «Мутьянской», (или «Валашской») земли, *«греческия веры христианин»*, рисуется в повести как необычайно жестокий и коварный человек. Повесть по своей композиции очень несложна: она представляет собой соединение идущих друг за другом самостоятельных эпизодов (отдельных случаев из жизни героя). В произведении один за другим перечисляются примеры такой извращенной жестокости Дракулы, которая подчас не оправдывается никакими практическими соображениями.

Так, например, в повести сообщается о том, что когда однажды к Дракуле явились турецкие послы и, поклонившись, не сняли с головы фесок, он велел прибить им гвоздями фески к голове, чтобы подкрепить таким образом их обычай. Разгневавшись, турецкий султан с большим войском идет на Дракулу; Дракула собирает воинов, нападает на турок ночью и наносит им большой урон, но, не будучи в состоянии сопротивляться превосходящим вражеским силам, возвращается назад. Вернувшись вместе с ним своих воинов он сам осматривает и тех, у кого находит раны спереди, щедро награждает, тех же, у кого же раны оказываются сзади, как беглецов с поля битвы, велит сажать на кол, говоря: *«Ты еси не муж, но жена»*. Турецкий султан, узнав про такую расправу Дракулы над своими воинами, испугался воеводы и не стал преследовать его, предпочтя отправить посла с требованием дани. Дракула принял посла с честью, показал ему свои владения и сказал, что он не только согласен платить дань, но готов со всем войском пойти на службу к султану. Султан с радостью принимает предложение Дракулы, окружает его почестями и приставляет к нему своих приставов. Дракула же, пройдя по Турецкой земле, через пять дней внезапно возвращается назад, берет в плен города, села и множество людей. Часть людей он убивает, часть сжигает и сажает на кол, не щадя даже грудных младенцев. Опустошив турецкую землю, он переселяет христиан в свои владения. После этого он с честью отпускает турецких приставов со словами: *«Идите и расскажите царю вашему о том, что вы видели: как мог, так послужил ему. И будет угодна моя служба, я охотно еще так же послужу ему, насколько смогу»*. Посрамленный султан ничем не мог отплатить Дракуле.

В следующем эпизоде рассказывается о том, что Дракула так ненавидел зло в своей земле, что казнил всякого, кто повинен был в каком-либо преступлении – в воровстве, в разбое или в какой-либо неправде, – будь то знатный вельможа, священник, богач или *«убогий»*. В его владениях был колодец, к которому вело множество путей. Дракула велел поставить около колодца большую золотую чашу, чтобы все пили из нее, ставя потом на положенное место. И никто за все время не посмел украсть эту чашу.

Однажды Дракула велел созвать со всей своей земли стариков, больных и нищих. Когда они явились к нему, ожидая милости, он велел собрать их в специально построенное большое помещение, обильно их накормил и напоил и затем спросил, не хотят ли они, чтобы он сделал их беспечальными на этом свете и ни в чем не нуждающимися. Получив утвердительный ответ, Дракула велел запереть всех собравшихся и сжечь их, тем самым навеки освободив от нищеты и всяких недугов.

Как-то к Дракуле приехал некий купец из «Угорской земли». По приказанию воеводы он оставил воз с товаром на городской улице, перед домом, а сам отправился в дом спать. Ночью с воза украли 160 золотых дукатов. Купец с жалобой пошел к Дракуле, который пообещал ему, что этой же ночью золото будет найдено, и велел искать пропажу, пригрозив погубить весь город, если вор не будет обнаружен. В то же время он приказал положить купцу на воз свое золото, прибавив к нему лишний дукат. Утром купец нашел на возу свои деньги и, дважды пересчитав их, убедился, что их больше, чем нужно, о чем он и сообщил Дракуле. Тогда же привели и вора, укравшего золото, и Дракула, обратившись к купцу, сказал: *«Иди с миром. Если бы ты не сказал мне о лишнем дукате, я посадил бы тебя на кол вместе с этим воров»*.

Необыкновенную жестокость проявлял Дракула также и по отношению к женщинам, нарушавшим целомудрие и нерадивым в своем хозяйстве. Однажды, встретив бедняка в изодранной рубашке, он спросил, есть ли у него жена, и, получив утвердительный ответ, велел бедняку вести его в свой дом. Жена оказалась молодой и здоровой. Дракула спросил мужа, сеял ли он лен. Муж ответил, что сеял, и показал много льна. Укорив жену за леность и нерадивость, Дракула распорядился отсечь ей руки и посадить на кол.

Дракула находит мастеров, которым заказывает железные бочки. Воевода насыпал в них золота и спустил их в реку, мастеров же велел убить, чтобы никто не узнал про его «окаянство», кроме «тезоименитого ему дьявола».

Жестокость Дракулы распространялась не только на его подданных, но и на представителей других государств. Когда к нему пришел от «угорского короля» Матвея знатный посол, родом поляк, воевода посадил его обедать с собой среди трупов. Рядом лежал большой и высокий позолоченный кол. На вопрос Дракулы, для чего сделан этот кол, посол ответил: *«Кажется мне, государь, что некий знатный человек провинился перед тобой, и ты хочешь учинить ему особенно почетную смерть»*. Дракула сказал: *«Ты прав; ты посол великого государя, и я для тебя сделал этот кол»*. «Государь, если я совершил поступок,

достойный смерти,— произнёс посол,— делай, как хочешь; ты праведный судья: не ты виновник в моей смерти, но я сам». Дракула рассмеялся и успокоил его: «Если бы ты мне не так ответил, взаправду был бы на этом колу». Одарив посла, Дракула отпустил его со словами: «Ты и впредь ходи послом от великих государей к великим государям, потому что ты умеешь с ними говорить, прочие же пусть научатся прежде разговаривать с великими государями». «Таков был обычай у Дракулы», — отмечает автор «Повести», — «если приходил к нему посол от царя или от короля «неизящен» и не умеющий защитить себя, он сажал его на кол, говоря при этом: «Не я повинен в твоей смерти, но государь твой или ты сам, и против меня не имей злого чувства: если государь твой, зная твоё малоумие и неученость, всё же послал тебя ко мне, великому государю, то он убил тебя; если же ты сам дерзнул идти необученный, то сам ты и убил себя».

В битве с «угорским королем» Матвеем Дракула терпит поражение, попадает в плен и оказывается в темницу в Вышеграде на Дунае, выше Будина; в Мутьянскую землю королем назначен был другой воевода. В темнице Дракула просидел двенадцать лет, причём и там проявлял обычную свою жестокость: ловя мышей и покупая птиц, он казнил их (сажал на кол, отрезал головы), у птиц же ошипывал перья и так отпускал их.

Когда новый воевода умер, король предложил Дракуле вернуться в Мутьянскую землю с условием, чтобы он принял «латинскую веру». С явным огорчением автор сообщает, что Дракула согласился на предложение короля и ценой измены православию получил не только воеводство, но и сестру короля, от которой у него родилось двое сыновей.

После этого Дракула прожил десять лет, скончавшись в «латинской прелести». Автор описывает конец жизни воеводы следующим образом. На Мутьянскую землю напали турки; Дракула одолел их, его войско гнало врагов. Обрадованный, он поднялся на гору, чтобы лучше видеть ход сражения. В это время отделившийся от войска Дракулы приближенный, думая, что на горе стоит турок, убил его копьем. Заканчивается повесть сообщением о судьбе семьи Дракулы и о назначении нового воеводы в Мутьянскую землю.

Таким образом, в характере Дракулы соединяются различные, порой противоречивые качества: он, прежде всего, непомерно жесток и коварен и притом безгранично, до самодурства, своеволен, Вместе с тем Дракула — страстный, хотя и очень суровый и прямолинейный защитник правды и ненавистник зла. Он очень находчив и умеет ценить находчивость и ум и у других, щедро одаряя их, вместо того чтобы казнить.

У автора, при всем его стремлении объективно рассказать о поступках Дракулы, прорывается осудительная оценка воеводы, когда он поясняет, что русское значение его имени — «дьявол», или когда говорит о *«тезоименитом ему дьяволе»*, который только и мог знать о его *«окаянстве»* по отношению к убитым им мастерам. Однако строгий суд над Дракулой автор произносит не столько в связи с его жестокостью, сколько в связи с отступлением от православия в католическую веру: *«Дракула же, возлюбил паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истины, и остави свет и прия тму. Увы, не возможно темничныя временныя тяготы понести и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и прият латыньскую прелесть»*. И случайную смерть Дракулы от руки своего же воина приходится, по смыслу повести, толковать как наказание за измену православной вере.

Повесть о Дракуле, начиная с конца XV вплоть до XVIII века, распространилась в значительном количестве списков, что свидетельствует о немалой ее популярности. Враждебно настроенные к Ивану Грозному слои русского общества, главным образом, вероятно, бояре, ассоциировали образ Дракулы с личностью царя, круто расправлявшегося со своими политическими противниками, которых поддерживали и иностранцы. Показательно то, что к Грозному они позже относили первый эпизод, рассказанный в повести о Дракуле. Так, англичанин Коллинз, врач царя Алексея Михайловича, в своей книге о России сообщает, что Иван Грозный, принимая французского посла, велел пригвоздить к его голове шляпу за то, что он не снял её перед царем. В одном из списков (Холмогорском) Двинской летописи, относящемся к концу XVII — началу XVIII века, вставлена голландская гравюра с такой припиской: *«Объявление посольства к царю Иоанну Васильевичу, како приказал оному послу железным гвоздем ко главе приколотить за его непокорность и гордость, что не чинно посольствовал»*.

3. Литературные памятники XVI века, отразившие политику государственного централизма (летописные своды, «Великие Четьи — Минеи», «Степенная книга», «Домострой»).

Около середины XVI века на московской почве возникает ряд крупных по своим размерам литературных предприятий, ставящих себе задачей, путем подведения итогов прошлого с точки зрения официальной московской идеологии:

- 1) окружить ореолом это прошлое,
- 2) показать непрерывность и преемственность культурно-политического и церковно-религиозного процесса в его развитии от начала русской государственности и русской церкви до современности.

В этом отношении должно быть отмечено прежде всего широкое и интенсивное развитие в Москве летописного дела. Отталкиваясь от общерусских митрополичьих летописных сводов типа Владимирского полихрона и Хронографа Пахомия Логофета, дошедшего до нас в редакции 1512 года, с сороковых годов XVI века появляется при участии московских дьяков несколько типичных московских летописных сводов с явно выраженными московскими тенденциями. Как политически Москва объединила вокруг себя автономные русские области, так же точно она объединила автономное летописание – киевское, ростовско-суздальское, новгородское, тверское и т. д., поставив перед собой цель осветить историю некогда политически самостоятельных русских земель как органическое преддверие к истории единого Русского государства.

Выступив на историческое поприще после других княжеств, Москва вначале не имела собственных летописных сводов. Поэтому московские летописцы стали включать в создаваемые ими своды летописные известия, относящиеся к истории Москвы, лишь начиная с XIV века. Отдельные нотки политического сепаратизма, еще звучавшие в старых митрополичьих сводах, теперь были более или менее искусно затушеваны, и на первый план выступила идея богоспаемого и богоутвержденного Московского царства во главе с его самодержцами.

Из московских сводов XVI века наиболее значимы Воскресенская летопись, доводящая изложение событий до 1541 года, и Патриаршая, или Никоновская, летопись, заканчивающаяся 1558 годом (она является переработкой и расширением Воскресенской летописи). Название этих сборников связано с именем патриарха Никона, владельца их списков, из которых один был пожертвован им в Воскресенский монастырь. В обеих летописях Русское государство рассматривается как вотчина московских государей, единоличных распорядителей и владельцев Русской земли. Сухие фактические известия здесь прерываются обширными статьями, написанными в приподнято-торжественном стиле.

К Никоновской летописи примыкает Львовская летопись, названная так по имени её первого издателя. События в ней изложены до 1560 года включительно. Материал сказаний, повестей, «слов», посланий, входящих в эти летописные сборники, представляет собой значительный интерес для историков литературы.

Никоновская и Львовская летописи имели своё продолжение, в котором излагались события, относящиеся к последним годам царствования Ивана Грозного. Вероятно, в 70-х годах XVI века создается огромный исторический свод, богато иллюстрированный. Возник он главным образом на основе Никоновской летописи и потому называется иногда Никоновским лицевым сводом. Полностью он не сохранился и вообще не был закончен, но в сохранившейся его части заключается до 10 тысяч листов (около 20 тысяч страниц) и 16 тысяч иллюстраций. В этом своде изложение начинается с сотворения мира и доводится до 60-х годов XVI века. Это было самое грандиозное летописное предприятие, задавшееся целью во всём объёме и с торжественностью изобразить величие Московского царства, бытие которого, по мысли составителей свода, подготовлялось всей предшествовавшей историей человечества. Свод в части, относящейся к XVI веку, в дальнейшем был переработан в так называемую «Царственную книгу», также не доведённую до конца.

Последующие бурные события крестьянской войны и иностранной интервенции расшатали так пышно созидавшуюся официальную историческую концепцию Московского царства. Традиционное летописание утратило свой смысл и в дальнейшем стало приходить в явный упадок.

Одновременно с объединением русской летописной литературы происходит объединение литературы церковно-учительной. Инициатором и руководителем этого дела был митрополит Макарий, принимавший также известное участие и в организации в Москве летописного дела.

К 1552 году относится окончание работы над составлением и редактированием грандиозного 12-томного собрания произведений церковно-религиозной книжности, как оригинальных, так и переводных, обращавшихся в многочисленных рукописях, а также частично произведений внецерковных, как, например «Пчела», повесть Иосифа Флавия и др. Собрание это, известное под названием «Великих Четьих-Миней», существует в трех списках, из которых наиболее полным (около 27 тысяч страниц большого формата) является список, предназначенный для московского Успенского собора.

В основу труда, созданного под руководством Макария, была положена старая, переведенная с греческого Четья-Миней, постепенно, особенно с начала XVI века, расширявшая свой объем помимо житийного материала также материалом поучений и похвальных слов, притом частично русского происхождения. Ко времени Макария не все числа Четьих-Миней были заполнены, и Макарий для такого «заполнения» воспользовался прежде всего житиями, переводными и русскими, по разным причинам, главным образом из-за своего объема, не вошедшими в домакарьевские Миней. Кроме того, был использован житийный материал Пролога старейшего, так называемого «простого», и нового Пролога, «стишного» (то есть такого, в котором жития были снабжены краткими «стихами», содержащими характеристику святого). Последний Пролог пришел на Русь из Византии через посредство южных славян не ранее XV века и содержал в себе жития, более обширные по объему, чем те, которые помещались в «простом» Прологе. Основой «Великих Четьих-Миней» послужили также патерики – Киево-Печерский и

переводные. Весь этот материал подвергся новой редакции, преимущественно стилистической, в духе той торжественной риторики, которая стала укореняться в житийной литературе и должна была придать блеск и величие русской святине.

В таком же панегирическом стиле писались и жития святых, канонизованных на соборах 1547 и 1549 годов, а также тех, которые канонизованы были ранее, но еще не имели посвященных им агиографических произведений.

В XVI веке, особенно начиная с конца первой его половины, наблюдается усиленный рост житийной литературы. Окончательно официально закрепившееся представление о Москве как о третьем Риме, средоточии православных святых, побуждало, прежде всего, к увеличению количества святых, прославивших Русскую землю, и к пересмотру жизнеописаний подвижников, пользовавшихся почитанием в отдельных областях еще до слияния этих областей в единое государство. По почину митрополита Макария на обоих соборах производится сложная работа по канонизации новых святых, возведению святых местночтимых в общерусские и, в результате пересмотра соответствующего материала, деканонизации недостаточно авторитетных областных святых. Расширение и упорядочение русского «православного Олимпа» потребовало написания новых житий и исправления старых. Исправление шло в направлении как идейном, так и в стилистическом: нужно было весь агиографический материал облечь в форму того панегирически-торжественного стиля, который служил выражением победивших самодержавных тенденций. Спешность работы по написанию новых житий – с одной стороны, с другой – отсутствие в ряде случаев для этого достаточного материала приводили к тому, что эти жития писались по образцу уже существовавших, в которых фигурировали святые, сходные по типу или даже по имени с тем святым, биографию которого нужно было создать.

По первоначальному замыслу Макария его собрание должно было содержать исключительно житийную литературу, но затем, по мере работы над ним, оно вообрало в себя книги «священного писания», патристическую литературу, проповеди, поучения и т.д., одним словом, всю наличную церковно-религиозную литературу в той мере, в какой она не вызывала тех или иных подозрений в своей религиозной или политической благонадежности. В отдельных случаях в макарьевские Четьи-Минеи попали и апокрифические произведения, если они существовали под заглавием иным, чем то, которое принято было в индексах «отреченных книг». Таким образом, в «Великие Четьи-Минеи» вошли все *«святые книги, которые в Русской земле обретаются»*. Внешняя монументальность книги должна была символизировать монументальность и грандиозность идеи Московского православного царства.

К «Великим Четьям-Минеем» примыкала окончательно сформировавшаяся вскоре после них (в 1563 году) «Книга степенна царскаго родословия». Книга была составлена по инициативе Макария, видимо, царским духовником, священником Андреем, в монастыре Афанасием (преемником Макария на митрополичьей кафедре). Как и другие обобщающие произведения, возникшие на московской почве в XVI веке, «Степенная книга» отразила борьбу служилого дворянства с боярской оппозицией за упрочение централизованного Русского государства. Располагая свой материал по степеням великокняжеских колен и излагая его в риторически-торжественном стиле, автор ставил своей целью представить историю благочестивых русских государей от Владимира Святославича до Ивана Грозного, действовавших в единении с выдающимися представителями русской церкви, преимущественно митрополитами и епископами.

В «Степенной книге» биография превращалась сплошь и рядом в агиобиографию, стилистика которой сказывалась даже в тех случаях, когда речь шла о князьях или высших церковных иерархах, не только не причисленных к лику святых, но и ничем, в сущности не примечательных (особенно если иметь в виду первых, не проявивших себя с точки зрения христианского благочестия). Используя преимущественно наличную летописную литературу и позаимствовав из нее ряд фактов чисто исторического характера, а также литературу агиографическую и устные легенды, автор «Степенной книги» так стилистически оформил материал, что в результате получился очень высокопарный и цветистый панегирик во славу русских государей вплоть до Ивана Грозного, которому отведена последняя, семнадцатая степень книги.

Своеобразие стиля книги сразу же определяется ее пространством заглавием: «Книга степенна царскаго родословия, иже в Рустей земли в благочестии просиявших богоутверженных скипетродержателей, иже бяху от бога, яко райская древесы, насаждени при исходящих (источниках) вод, и правоверием напаяеми, благоразумием же и благодатию возрастаеми и божественною славою осияеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцветущ, многоплоден же и зрел и благоухания исполнен, велик же и высоковерх и многочадным рождем, яко светлзрачными ветми, расширяем, богоугодными добродетельми преспеваем» и т. д.

В дальнейшем такой высокопарный стиль сохраняется даже в тех случаях, когда, как было сказано, речь идет о любом из князей, даже не канонизованном. Таково, например, начало повествования о великом князе Ярославе Всеволодовиче: *«Благороднаго корени доброплодная и неувядаемая ветвь, царскаго изращения плодоносное семя русских самодержателей, сий великий князь Ярослав бысть»* и т. д.

Семнадцатая степень, посвященная Ивану Грозному, начинается с риторического вступления, в котором говорится о значении молитвы, и затем повествуется о *«благорадостном царском рожении»*, которое произошло по усердной молитве родителей: *«Сще и zde молитвенная добротъ разверзе царское неплодие самодержца Василия Ивановича, и родися ему сын и наследник царствию сий святопомазанный царь и великий князь, сладчайшее имя Иван, государь и самодержец всея Руси и иным многим языком и царствием одолеть, иже бысть от свягаго перваго Владимира седьмынадесятъ степень, от Рюрика же двадесятый»* и т. д.

Как и создатели московских летописных сводов и «Великих Четьх-Миней», автор «Степенной книги» поставил перед собой цель: дав связанное и систематическое изложение истории Русского государства до предела возвеличить и прославить историческое прошлое и настоящее Московской Руси, в первую очередь прославив и возвеличив носителей государственной власти, действовавших в полном единении с церковью.

В тесной связи с рассмотренными памятниками русской официальной литературы XVI века стоят такие внелитературные произведения середины века, как «Домострой», «Стоглав», «Азбуковник», насквозь проникнутые той же официальной идеологией, что и памятники, которые могут быть причислены к литературным. Между теми и другими была не только органическая связь, но и идейное взаимодействие. «Домострой», ставивший своей целью до мелочей регламентировать поведение человека религиозной, государственно-общественной и семейной сферах, «Стоглав», заключающий в себе свод постановлений и суждений церковного собора 1551 года по разнообразным вопросам религиозного и житейского быта, «Азбуковник», стремившийся в форме энциклопедического словаря изложить систему знаний и воззрений, обязательных для благомыслящего читателя, – всё это исходило из всемерного доверия к тем религиозно-политическим и нравственным устоям Москвы – третьего Рима, которые признавались непререкаемыми и незыблемыми. Речь шла не о том, чтобы критически переоценить хоть в какой-либо мере эти устои, а лишь о том, чтобы жизнь в ее общем строе и в ее повседневном быту поднять до той идеальной нормы, которая предписывалась раз навсегда закреплённой «богоспасаемой» традицией. Отсюда в малейших деталях предусмотренное в «Домострое» описание религиозного, нравственного и бытового уклада, которым должна руководствоваться семья, возглавляемая «домовладыкой», отцом и мужем. По мнению автора «Домостроя», жизнь в семье должна строиться с учетом примеров монастырского общежительного устава; отсюда и откровенная критика в «Стоглаве» тех явлений русской жизни, которые стояли в противоречии с выработанным и официально указанным её идеалом.

Для понимания идейной атмосферы, в которой возникали многие важнейшие произведения русской литературы не только в XVI, но частично и в XVII века знакомство с «Домостроем» дает особенно обильный материал. Кто бы ни был его автором (вероятнее всего – один из приближенных Ивана Грозного, благовещенский протопоп Сильвестр, чьим посланием к сыну Анфиму завершается памятник), «Домострой» очень полно отразил в себе тот круг идей, норм и положений, который выработала Москва, мыслившая себя средоточием православной святости и хранительницей высших бытовых и политических ценностей. Кроме того, в книге также запечатлелись идеальные требования, которые официальная идеология предъявляла к семейному укладу.

Принимая во внимание эпоху, в которую был составлен «Домострой», нужно сказать, что нравственный уровень этих требований далеко не был таким низким и отсталым, каким его нередко представляют. Большое значение имеет «Домострой» и как объективная картина быта состоятельной русской семьи, интересы которой преимущественно имел в виду автор. Начиная от указаний на то, как должно чтить царя и князя, как организовать религиозный быт, как муж должен воспитывать жену, детей, слуг и как должна вести себя в быту домохозяйка, и кончая детальными хозяйственными предписаниями, «Домострой» охватывает собой все стороны жизни в ее общих принципиальных основах и ее повседневности. Будучи сходен в ряде случаев с традиционными средневековыми западными и восточными «путеводителями по жизни», восходя к предшествовавшим русским поучениям, главным образом отца сыну, он в то же время живо запечатлел в себе реальную обстановку своего времени.

Примечательно, что написан «Домострой» в большей своей части живым русским языком, почти без примеси церковнославянизмов. В дальнейшем он вызвал подражания, даже облечённые даже в стихотворную форму.

4. Публицистическая литература XVI века:

а) послание старца Филофея псковского Василию III.

Завоевание турками Константинополя (1453 год) оказало серьезное влияние на развитие русской политической и религиозной идеологии. Русь, особенно Москва, перед этим видела всё усиливавшийся политический упадок Византии, и в связи с этим теряла уважение к ней и ее политическому и религиозному авторитету. В 1439 году Византией была заключена флорентийская уния (союз с Римом), фактически подчинившая византийскую церковь римскому папе. Уния была заключена в надежде

получить помощь западного мира в борьбе с турками, но никаких положительных результатов не принесла. В то же время подобный союз с «латинянами» окончательно дискредитировал в глазах официальных представителей русского благочестия греческое православие и тем самым возвысил православие русское.

В полемическом памятнике, составленном в 1461 году под заглавием «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню», неизвестный автор, видимо, Пахомий Логофет, в связи с событиями Флорентийской унии, говорит о Русской земле и о московском великом князе Василии Васильевиче как о хранителях подлинной православной святыни: *«Ныне убо в [последних] временах, богопросвещенная земля Руская, святым правлением божия церкви тебе подобает в вселенней под солнечным сиянием с народом истинного в вере православья радоватися, одеяся светом благочестия, имея покров божий на себе – многосветлую благодать господню, исполнишия цветов богозрачне цветущих – божских храмов, якоже небесных звезд, сияющих святых церквей, якоже солнечных лучь блестящихся, благолепием украшаемы, и збор святого пения величаемы, державою владеющего на тебе богоизбранного и боговозлюбленного, богопочтенного и богопросвещенного и богославимаго богошественника правому пути богоустановленнаго закона и богомудраго изыскателя святых правил, благаго ревнителя о бозе и споспешника благочестию истиннаго православия, высочайшаго исходатая благовершу, богоукрашеннаго и великодержавнаго благовернаго и благочестиваго великаго князя Василия Васильевича, боговенчаннаго православью царя всея Руси».*

В послании к Василию III, относящемся к 1523 году, монах, старец псковского Елиазарова монастыря Филофей писал о том, что до сих пор было два Рима: Рим первый пал из-за своего нечестия; Рим второй, то есть Византия, – от «агарянского засилия»; третий же Рим – Москва – стоит непоколебимо. *«Блюди и внемли благочестивый царю, яко все христианские царства снидошюся в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инеем не останется».*

Эта зарождавшаяся уже во второй половине XV века идея Москвы – третьего Рима, преемницы всемирного царства, каким до тех пор считалась Византия, обуславливала идейное содержание целого ряда памятников литературы.

б) «Сказание о князьях Владимирских»

Во второй половине XV – начале XVI века в Москве создается целый ряд произведений, в которых утверждается мысль о политической преемственности Русью византийского наследства. Таковы повести о Вавилонском царстве и естественное продолжение этих повестей – «Сказание о князьях Владимирских».

В повестях о Вавилонском царстве речь идёт об основании Навуходоносором нового Вавилона и о добывании затем византийским царем Василием из Вавилона знаков царского достоинства. Эти повести сложились в Византии для обоснования идеи преемственности Византией всемирно-исторической царской власти, средоточием которой считался ранее Вавилон.

На Русь повести о Вавилонском царстве пришли, возможно, в устной передаче, видимо, в конце XV века, как раз в период зарождения идеи Москвы – третьего Рима. Несомненно, что уже на русской почве в качестве действующего лица упоминается русский человек, который принимает участие в добывании для греческого царя Василия знаков царского достоинства. Примечательно, что тенденциозная повесть, возникшая на византийской почве и ничего общего не имеющая с русской действительностью, в целях оправдания московских притязаний на роль всемирно-исторического государства приспособляется к потребностям русской политической действительности.

В первой повести о Вавилонском царстве рассказывается о чудесном избрании на царство найденного людьми в лесу Навуходоносора. В Вавилоне, где после смерти Аксеркса не было правителя, было решено, что царем будет тот, над кем вскипит и прольется повешенный над воротами рог со смирной. Когда мимо этого рога проходит Навуходоносор, рог вскипает и содержимое проливается над его головой, благодаря чему мальчик становится правителем.

Несмотря на свою молодость, Навуходоносор был очень мудр и храбр. Задумав построить новый Вавилон, он собрал князей и вельмож и велел им создать новый город о семи стенах, о семи верстах. Въезд в город и выезд из него были через единственные ворота, около которых был изваян каменный змей. Знаки змея Навуходоносор велел сделать на всех предметах в городе: на оружии, на конях, на уздечках, на седлах, на домах, на ложках, на блюдах, на всех сосудах и т.п.

Навуходоносор царствовал много лет и был непобедим потому, что владел мечом – самосеком. Перед смертью он велел замуровать этот меч в стену и не вынимать его до скончания мира, предрекая в противном случае неминуемую гибель Вавилона.

После смерти Навуходоносора, выступая против врагов, Василий решает преступить отцовский запрет, вынуть замурованный меч-самосек и пустить его в ход. Меч вырывается из рук Василия и начинает сечь не только вражеское, но и вавилонское войско и всех вавилонян умерщвляет, а змеи, изображенные на всех предметах, вдруг оживают и окончательно пожирают вавилонян.

После этого Вавилон совершенно опустел, вокруг него разрослись сорные травы. О сильном и славном городе не осталось и памяти.

Во второй повести рассказывается о том, как знаки царского достоинства, находившиеся первоначально в Вавилоне, перешли к византийскому царю, то есть, другими словами, как бы документируется переход всемирно-исторической царской власти из Вавилона в Византию.

Византийский царь Лев, в крещении Василий, отправляет своих посланцев взять «знамение» от трех отроков – Анания, Азария и Мисаила, мощи которых покоятся в Вавилоне. Василий сначала хочет отправить двух послов – грека и «*обежанина*» (абхазца), но, по совету приближённых, посылает и третьего – «*из русских славянина*». Таким образом, в добывании знаков царского достоинства из Вавилона принимает участие русский человек.

Царь с войском отправляется вслед за послами и останавливается за пятнадцать поприщ от Вавилона, а послы направляются в самый город. Они пробираются в Вавилон с большими трудностями: дорогу закрывает «*былие великое, акы волчец*». Но «*божьим изволением*» послы, невредимые, доходят на третий день до Вавилона и, благополучно минуя спящего змея, проходят через лестницу в восемнадцать ступеней на городскую стену, а по другой лестнице спускаются в город. Придя в город, послы вначале направляются к гробнице трех отроков, чтобы поклониться им и взять от них «знамение». Из гробницы слышится голос, который велит послам идти в царские палаты и взять оттуда знаки царского достоинства. В царских палатах они находят венцы Навуходоносора и его жены и грамоту, написанную на греческом языке и объяснявшую происхождение венца и других драгоценностей. Вслед за этим они отправляются в другую палату, где видят различные драгоценности и сердоликовую «крабицу» (коробку), в которой заключена царская порфира. Тут же они видят ларцы, полные золота, серебра и драгоценных камней, и золотой кубок. Всё это они берут с собой и идут назад.

Сложным оказывается обратный путь послов. По дороге «*обежанин*» оступился, упал на змея и разбудил его. Тот поднял необычайный свист, от которого огромное количество людей из войска Василия попадало мёртвыми. Только некоторая часть вместе с самим Василием успела убежать.

Послы передают Василию добычу, взятую ими в Вавилоне, и Василий часть этой добычи, драгоценные камни и золото, отдает патриарху, у себя же оставляет царские регалии. Таким образом, византийский царь становится полноправным представителем всемирно-исторической власти, так как обладает вещественными знаками царского достоинства, которые ее олицетворяют.

Так, для утверждения идеи византийской всемирно-исторической монархии создается легенда, повествующая о перенесении символов и знаков царского достоинства из Вавилона в Византию. Обе повести, в основе которых лежат сказочные мотивы, не сохранились в греческом тексте, несмотря на то, что возникли они, несомненно, в Византии; зато, судя по различным отражениям в литературах Запада, они пользовались популярностью в средневековой Европе. Однако о добывании знаков царского достоинства речь идет лишь в русских повестях и сказках, и это заставляет предполагать, что упоминание о вавилонском венце не было исконным в круге соответствующих сказаний. Это упоминание оказалось существенным, очевидно, в связи с развивавшейся идеей преемственности Москвой византийского наследия: в некоторых списках второй повести говорится о том, что «*сердоликова крабица со всем виссом царским*» перешла во владение киевского князя Владимира. Отсюда оставался один шаг до прямого перенесения византийских регалий к московским великим князьям.

В конце XV или начале XVI в. на Руси создается «Сказание о князях Владимирских», являющееся непосредственным развитием и продолжением повестей о Вавилонском царстве. Это же «Сказание», согласно установившемуся в науке взгляду, легло в основу «Послания» монаха Спиридона-Саввы о Мономаховом венце, написанного при великом князе Василии Ивановиче в первой четверти XVI века, а также в основу соответствующих статей в «Родословии великих князей русских».

Особенную популярность «Сказание» приобрело при Иване Грозном, впервые официально в 1547 году венчавшемся на царство и подкреплявшем ссылками на «Сказание» свой авторитет как государя-самодержца. Произведение использовалось в эпоху Грозного как непререкаемый официальный документ (в частности – в дипломатической практике), нашло широкое отражение в московских летописных сводах XVI века и других популярных памятниках XVI—XVII веков, было даже переведено на латинский язык.

«Сказание» предваряется вступлением, начинающим рассказ от Ноя и доводящим его до Августа-кеесаря, который, «*устраивая вселенную*», посылает своего родного брата Пруса на берега Вислы, в страну, которая затем по его имени была названа Прусской землёй (она в древности была населена прусами — литовцами). Потомками римлянина Пруса, а, следовательно, – Августа-кеесаря, считали себя русские князья. Отсюда – привычное заявление Ивана Грозного, что он ведет свой род от Августа-кеесаря.

Таким образом, легенда, созданная на русской почве, связывает московский великокняжеский род с представителем старейшей мировой монархии, с Августом-кеесарем.

Далее в «Сказании» говорится о том, что некий новгородский воевода Гостомысл, приближаясь к концу своей жизни, велит новгородцам послать в Прусскую землю мудрого мужа и призвать оттуда князя. Новгородцы ему повинуются, и из Прусской земли приходит князь по имени Рюрик, прямой потомок

Августа («суца от рода римска Августа царя»). Вместе с ним приходят его братья Трувор и Синеус, которые также становятся князьями в Русской земле.

Спустя некоторое время русский князь Владимир Всеволодович, правнук великого князя Владимира, решил пойти на Византию, сославшись на прецеденты – походы Олега и Святослава Игоревича. Он собирает вельмож «*благоикусных и благоразумных и благоразсудных*», а также большое войско и отправляется во Фракию, в предместье Царьграда. В это время в Царьграде правил Константин Мономах, воевавший тогда с персами и латинами. Он созывает царский совет и отправляет к Владимиру митрополита ефесского Неофита и других послов, дав им «*животворящий крест от самого животворящего древа, на нем же распяты владыка Христос*», царский венец со своей головы, сердоликовую крабицу, «*из нея же Августия царь римский веселяшеся*», затем бармы, которые носил на своих плечах, цепь из аравийского золота и многие другие ценные дары. Все это Константин отправляет Владимиру с просьбой, чтобы тот не воевал с Византией (о посылке даров Владимиру Мономаху византийским царем Мануилом речь идет, как известно, еще в памятнике XIII века – «Слове о погибели Русской земли»). Владимир принимает дары, венчается венцом Константина и с тех пор сам называется Мономахом: «*И с того времени князь великий Владимир Всеволодович наречется Манамах, царь великия Росия, и потом пребыста прочая времена с царем Константином князь великий Владимир в мире и любви. Оттоле и доньне тем царьским венцем венчаются великий князи владимерстии, его же прислал греческий царь Константин Манамах, егда поставятся на великое княжение росийское...*».

Царские регалии, вывезенные из Вавилона, совершают, таким образом, свой третий и последний путь: они водворяются у русских князей, которые благодаря этому воспринимаются как преемники византийских царей. К такому тенденциозному вымыслу легенда прибегает для того, чтобы обосновать права и авторитет московских самодержцев, утверждавших свою власть в борьбе с удельными князьями и оппозиционным боярством и устанавливавших преемственную связь Москвы – через посредство Владимира – с Киевом.

При этом искажаются исторические факты: Константин Мономах умер, когда Владимиру Всеволодовичу было всего около двух лет. Эта хронологическая несообразность была замечена лишь в позднейших летописных сборниках, где Константин Мономах заменен был Алексеем Комнином. Так как, однако, не существовало исторического подтверждения указанию «Сказания», что со времени князя Владимира русские князья венчались Мономаховым венцом, то для устранения противоречия в некоторых списках «Сказания» говорилось о том, что Владимир Мономах перед смертью царские регалии завещал своему шестому сыну Георгию, распорядившись, чтобы он берег их, передавая их из рода в род, пока не появится достойный царь-самодержец, которого «воздвигнет бог» для обладания Российским государством, и чтобы до тех пор потомки Мономаха не возлагали на себя царских регалий и не венчались на царство.

Возникновение «Сказания» и его идейное наполнение следует связывать с южнославянскими автономистическими тенденциями, приспособленными к московской политической действительности. И у сербов и у болгар существовали вымышленные генеалогии их царей, якобы ведших свой род от римских императоров, с целью оправдать свои стремления к политической независимости от Византии. Так, сербские книжники утверждали родство Неманей с Константином Великим и с родом Августа-кесаря; болгарские цари Асени также претендовали на происхождение из Рима. Автор «Сказания» оказался ещё смелее: он прямо указывает на брата Августа, Пруса, как на родоначальника русских князей.

Примечательно, что теория «Москва – третий Рим» находит своеобразное отражение не только в литературе, но и в фольклоре. Так, в одной песне (она встречается в сборнике, собранном Рыбниковым П.Н.) Грозный на пиру хвастается:

Есть чем царю мне похвастати:
Я повынес царенья из Царя-града
Царскую порфиру на себя надел,
Царский костыль себе в руки взял,
И повыведу измену с каменной Москвы...

Таким образом, устная традиция обладание вывезенными из Вавилона царскими регалиями присваивает Ивану Грозному, завершившему процесс политического возвышения Москвы.

в) Литературная деятельность Максима Грека и митрополита Даниила.

Как уже отмечалось выше, конец XV – XVI века были отмечены борьбой церковных группировок – «стяжателей» (иосифлян) и «нестяжателей» (заволжских старцев).

Борьба иосифлян с заволжскими старцами в общественно-церковной сфере отразилась в первые десятилетия XVI века в деятельности таких лиц, как Максим Грек, с одной стороны, и митрополит Даниил – с другой.

Максим Грек (в миру – Михаил Триволис) (1480 -1556) приехал на Русь с Афона в 1518 году. До пострижения в монашество он долго жил в Италии, общался с гуманистами и хотя не воспринял идеи Ренессанса в их наиболее определяющих чертах, тем не менее получил очень хорошее богословское и

филологическое образование. Максим был приглашен в Москву великим князем Василием Ивановичем для переводов и исправления книг его библиотеки, в первую очередь – для перевода с греческого «Толковой псалтири». Вскоре Грек оказался вовлечен в сферу тех церковно-политических споров и столкновений, которые в ту пору на Руси продолжали оставаться очень напряженными. Из-под пера Максима вышло большое количество сочинений, в которых он выступал в качестве проповедника, публициста и обличителя разнообразных церковных и общественных не порядков, увиденных им в русской действительности. В своих взглядах на вещи и суждениях, если не считать безоговорочно враждебного отношения к еретикам, Грек примыкал к заволжским старцам, в частности был в очень близких отношениях с Вассианом Патрикеевыми с другими представителями боярской оппозиции.

Критическое отношение Грека к текстам исправляемых им книг, а также к таким сторонам русской церковной и общественно-политической практики, которым покровительствовали иосифлянская партия и государственная власть, навлекло на него гонения. В вину Максиму были поставлены активная защита «нестяжательства» и обличения монашества. После прихода к власти ревностного «иосифлянина» митрополита Даниила, Грек трижды был осужден и с 1525 по 1551 год провел в заточении. Максим тщетно просил, чтобы ему разрешили вернуться на Афон. Его обвинили в ереси и сношениях с турецким султаном и заключили сначала в Волоколамский монастырь, где Грек пробыл в достаточно тяжелых условиях 6 лет. В 1531 году его перевели в тверской Отрочий монастырь, откуда Максим вышел на свободу лишь за пять лет до смерти.

В своих произведениях (догматических, нравоучительных, публицистических и пр.) Максим Грек проявил себя как незаурядный писатель, страстно откликавшийся на всё то, что волновало его самого и его единомышленников. Обладая большим литературным талантом и будучи очень образованным человеком, он заметно поднял самую культуру письменного слова, используя средства словесного мастерства, новые по тому времени (с этой стороны его произведения отдельными своими элементами содействовали дальнейшему росту русской литературной культуры). В то же время дух критики и умственной пытливости, строгая логика в аргументации своих мыслей и, как следствие этого, стройность и последовательность в композиции произведений у Грека были неразрывно связаны с высокими качествами его словесного искусства, усвоенными его учениками и продолжателями. Наряду с традиционными поучительными и полемическими «словами» и посланиями Максим Грек пишет эмоционально насыщенные морально-философские сочинения в форме обращения к своей душе или беседы ума с душой, составленные, наподобие платоновских диалогов, в диалогической форме («Беседа ума с душой»). В изложение вклинивается живая полемика против современных писателю общественных зол и предрассудков – лихоимства, влечению к астрологии и т. д. В форму диалога облечено прение об иноческой жизни между Филоктимоном (стяжателем) и Актимоном (нестяжателем) («Стезание Любостяжателя с Нестяжателем»), в котором доказывается необходимость отказа монастырей от своих вотчинных прав.

В своих произведениях Грек нередко касался политических вопросов. В этом плане одним из наиболее примечательных произведений является «Слово, пространне излагающее, с жалостию, нестроения и бесчиния царей и властей последнего жития», написанное между 1534 – 1539 годами. В своем произведении Грек обличает правительственные смуты 30-х годов XVI века, когда воспользовавшись малолетством Грозного, боярство расхищало государственное имущество и пыталось вернуть утраченные привилегии. Обличая корыстных и неправедных правителей, писатель аллегорически изображает Русь в виде неутешно плачущей вдовы, сидящей при дороге и окруженной дикими зверями: львами, медведями, волками и лисицами. На вопросы путника, кто она, как ее зовут, почему она сидит на пустынном пути и какова причина ее скорби, вдова сначала отказывается отвечать, потому что скорбь ее трудно высказать и она неисцелима никакими человеческими средствами. Однако путник продолжает настаивать на том, чтобы вдова открыла ему свою скорбь и тем облегчила ее, и она, будучи убеждена его просьбами, сообщает, что называют ее различно – и начальством и властью, и владычеством, и господством. Настоящее же ее имя, в котором объединяются все перечисленные, – Василия-царство. Многие, не понимая этого и правя делами своих подчинённых недостойно её, вместо царей делаются мучителями и тем и её бесчестят и себя ввергают в великие скорби и болезни, получая от бога достойное своего безумия возмездие.

Вдова, поняв, что путник, будучи воодушевлен нелицемерной любовью к человеческому роду, желает узнать о ее судьбе для того, чтобы тем принести людям пользу, подробно рассказывает со ссылками на «священное писание» о том, что причиняет ей такую скорбь. Ее стараются подчинить себе все сластолюбцы и властолюбцы, но очень мало таких, которые действительно радели бы о ней и стремились сделать лучше положение живущих на земле. Большая часть подчиненных ей, побежденная сребролюбием и «лихоимством», всячески мучает подвластных себе. Далее следуют энергичные обличения сильных мира сего, и в заключение Василия объясняет, почему она сидит одна на пустынном пути, окруженная дикими зверями: пустынный путь и дикие звери олицетворяют собой последний окаянный век, когда уже нет благочестивых царей, а есть лишь такие, которые думают лишь об

увеличении своих границ и из-за этого друг на друга вооружаются и радуются кровопролитию верных людей.

Показное благочестие, суеверие в различных слоях русского общества, неправосудие властей, испорченность духовенства, бедность и беззащитность простого люда – все это нашло в лице Максима Грека сурового обличителя. Особенно часто восстает он против притеснения сильными и богатыми слабых и угнетенных («Слово о покаянии»). В таких случаях речь его, подчас сухая и многословная, становится захватывающей своей искренностью. Тут он поднимается до пафоса, и по адресу угнетателей у него вырываются негодующие угрозы и осуждения. *«Страсти ради нищих и воздыхания убогих отмстити их возстану»*, – приводит он слова Священного писания.

Нравственные пороки духовенства, в том числе стяжательство, вызывали особое негодование Грека. «Стязание о известном иноческом жительстве» и «Повесть страшная и достопамятная о совершенном иноческом жительстве» посвящаются изображению пороков монашества. Страсть к стяжательству и обогащению именьями, которая до этого так осуждалась заволжскими старцами во главе с Нилом Сорским и Вассианом Патрикеевым, находит в Максиме Греке ещё более энергичного обличителя

Одним из главных противников Максима Грека, настойчивым преследователем позиций заволжских был Даниил (2-ая половина XV – 1547), занимавший митрополичью кафедру с 1522 по 1539 годы. Усердный последователь Иосифа Волоцкого, он в своем «богопремудростном коварстве» по отношению к своим врагам пошел еще дальше своего учителя. Человек очень дипломатичный по натуре, внешне обходительный, Даниил не пренебрегал ничем для достижения поставленной цели – сделать русскую церковь сугубо иосифлянской и, устраняя инакомыслящих, назначал на архиерейские кафедры и игуменские посты своих приверженцев и единомышленников. Перед светской властью, в лице великого князя Василия III, он обнаружил крайнюю угодливость, доходившую до прямого нарушения церковных канонов.

Сохранилось шестнадцать «слов», написанных Даниилом, и объединенных им самим в отдельный сборник посланий. Те и другие посвящены вопросам догматическим и обрядовым, а также нравственно-бытовым. Как типичный иосифлянин, Даниил в своих сочинениях опирается на широкий круг «божественных», или «святых», писаний, включая в это понятие всю церковную письменность, не обнаруживая к ней никакого критического отношения, ставя на одну доску и каноническое «священное писание» и апокрифические тексты, подчас расходившиеся с христианской догматикой. В отличие от произведений заволжских старцев, писания Даниила не отличались ни стройностью и логической последовательностью изложения, ни внутренним единством.

Особый интерес представляют сочинения Даниила, написанные на темы нравственно-бытового характера. В отличие от сочинений догматически-обрядовых, с их традиционно книжным стилем, рассчитанным на искушенного в богословских тонкостях читателя, произведения с бытовой тематикой, предназначенные для широкого круга слушателей и читателей, написаны живым и выразительным языком. В суровых обличениях Даниила сплошь и рядом выступают картины реальной жизни и достаточно яркие образы носителей тех пороков, которые особенно претили строгому церковнику, воспитанному на предписаниях консервативной, иногда чисто внешней аскетической морали. Здесь в качестве предшественников «слов» Даниила можно указать некоторые древнерусские анонимные «слова» о пьянстве и «слова» из «Измарагда» на различные бытовые темы. Отсутствие у иосифлянских и примыкавших к ним писателей, в частности у Даниила, той «академической», так сказать, словесно дисциплинированной культуры, которая была присуща заволжским старцам и их ученикам, в чисто литературном отношении имело и свою положительную сторону: она сказалась в свободе и смелости обращения с языком, благодаря которым писатели иосифлянского лагеря не боялись вводить в свои сочинения грубоватые с точки зрения книжных пуристов просторечные выражения и подчас реалистические образы и детали быта, подсказанные окружающей жизненной обстановкой. Такие тенденции не могли не сказаться на проникновении в самый литературный процесс элементов натурализма, постепенно все более и более в дальнейшем себя заявлявших.

Указанные элементы натуралистического стиля нередки и в «словах» и посланиях Даниила. Так, в третьем «Слове», укоряя человека, равнодушно относящегося к церковным преданиям и уставам, он пишет: *«Егда бо слышиши читаемо божественное писание или кого глаголющаго от божественных писаний, затыкаеши, яко аспид, уши своя, помрачен сый прелестию сатаны, и егда услышиши собирающихся в божественную церковь на молитвы и моления, отбегавши, яко зверь, и пронырствуеши, яко змий, и лаеши на братию, яко пес, и валяешия в нечистоте, яко свиния в тимених (грязи)... объедаешия и пьянствуеши, яко скот, и злопамятствуеши на братию, яко сатана. И егда срама ради внидеши в божественную церковь, и не веси, почто пришел еси, позевая, и протяжаяся, и ногу на ногу поставляеши, и бедру выставлявши, и потрясавши, и кривляешия, яко похабный»*.

Обличая в двенадцатом «Слове» похотливых развратников, Даниил говорит о них: *«Ты же обиадаешия, яко скот, и пианствуеши день и ночь, многожды и до блевания, якоже и главою болети и*

умом пленится ...и паче множае гордишия и превозношаешия, рыкаеши, аки лев, и лукавьствуеши, яко бес, и на диавольская позорища течеши, яко свинопас». Такой распутник для большого успеха в своих любовных исканиях обычно бывает большим щеголем и модником. Его Даниил изображает в том же двенадцатом «Слове» в следующих картинных словах: *«Велий подвиг твориши, угрожая блудницам: ризы изменявши, хождение уставявши, сапогы велми червлены и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты сгнетения их; сице блиставши, сице скачеши, сице рыгавши и рзаеши, уподобляя жребцу... Власы же твоя не точию бритвою и с плотию отъемлеши, но и щипцем из корене исторзати и ищипати не стыдишися, женам позавидев, мужское лице на женское претворявши... Лице же твое много умываеши и натрываеши (трешь), ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна дивно сотворено на снесь готовишися»*. Достается от Даниила такому щеголю и за пристрастие его к скоморошеским забавам, к игре на гусях, сопелях и свирелях и к самим скоморохам.

Говоря о безучастном отношении знатных и богатых, предающихся тунеядству и расточительной роскоши во вред крестьянству, которое они обездоливают, Даниил в шестнадцатом «Слове» рисует следующую картину боярской поварни: *«Вчера и днесь повари в поварню стекаются, и сию украшают, и свиты (одежды) изменяют, и руце простирают, и листы укрепляют, и ножи острят, и дрова накладывают, и огонь вжигают, и котлы наставляють, к насыщению чрева пищу готовят...»*.

В результате такого широкого и беспорядочного образа жизни человек крадет, насиует, грабит, ябедничает, берет займы без возврата, нарушает клятву и делает много другого зла («Слово» тринадцатое). *«Откуда бо многоубителныя разходы и долги? – спрашивает Даниил в пятнадцатом «Слове».– Не от гордости ли и безумных проторов и на жену и на дети, кабалы, и поруки, и сиротство, и рыдание, мичяние и слезы? Всегда наслаждения и упитения, всегда пиры и позорища (зрелища), всегда бани и лежание... Всяк ленится учиться художеству, вси бегают рукоделия... вси поношают земледельцем... вси красятся и упестреваются и поступающе хупавятся (наряжаются), и в сих весь ум свой изнуриша и уже на небо не вем како взирают, вси коцуници, вси смехотворци, вси злоглагольници, клеветници...»*.

Сочинения Даниила позже пользовались большим уважением в старообрядческой среде, и можно предположить, что богатая элементами просторечного разговорного языка речь вождя старообрядцев протопопа Аввакума сформировалась, между прочим, и под известным воздействием стиля писаний Даниила.

г) Иван Пересветов как дворянский публицист, его «Сказание о Магмете - салтане».

Характер и содержание публицистической литературы, начиная с 40-х годов XVI века, определяются преимущественно борьбой восходящего дворянства и быстро клонившимся к политическому и экономическому упадку боярством, со времени учреждения в 1564 году опричнины окончательно утратившим свои былые социальные привилегии.

Виднейшим идеологом дворянства в эпоху Грозного стал Иван Пересветов, приехавший на Русь из Литвы в конце 1538– начале 1539 годов и заявивший себя с конца 40-х годов XVI века как автор нескольких публицистических повестей и двух челобитных (Малой и Большой) к Ивану Грозному.

Сведения об Иване Семеновиче Пересветове содержатся в его сочинениях, главным образом – в Малой и Большой челобитных.

Профессиональный «воинник» Пересветов являлся выходцем из Западной (Литовской) Руси. В конце 20-х годов XVI века вместе с другими польскими дворянами поступил на службу к венгерскому королю Яну Заполе и служил у него 3 года. В начале 30-х годов, в связи с изменением отношения польского короля к Венгрии, перешел на службу к чешскому королю Фердинанду I Габсбургу. Затем Пересветов переехал в Молдавию, а в конце 30-х годов перебрался в Москву. Здесь ему было поручено организовать мастерскую «гусарских щитов», но в обстановке боярских раздоров в годы детства Ивана IV это намерение не было осуществлено. Именно в это время, по утверждению Пересветова, он передал великому князю (вернее, правившим за малолетнего государя лицам) «речи от многих королевств государские...», но эти «речи» были забыты. Все основные сочинения Пересветова, как видно из их текста, были написаны и частично переданы Грозному (в то время уже царю) в конце 40-х годов.

Как сложилась судьба Пересветова в России неизвестно. В описи царского архива Ивана Грозному упоминается «список черный Ивашки Пересветова». Существует предположение, что этот «список» – судебно-следственное дело, и Пересветов мог оказаться жертвой репрессий середины XVI века. Этим объясняется умолчание о Пересветове в других источниках и то, что его сочинения сохранились лишь в списках, начиная с 20 -30 - х годов XVII века.

До приезда на Русь Пересветов долго жил на Западе – в Венгрии, Чехии, Польше, и его публицистические взгляды сложились, очевидно, в известной мере под воздействием западноевропейской политической практики. В тот период на Западе усилившаяся королевская власть успешно боролась с феодальными порядками, и монархический принцип всюду побеждал. Исключение представляли как раз Венгрия, Чехия и Польша, где служил Пересветов, но и там делались попытки упрочения монархической власти и создавались проекты военно-финансовых реформ, очень близкие к тем, какие Пересветов

рекомендовал Ивану Грозному. Представление об идеальном монархе – мудреце и философе, которое усвоил Пересветов, было обычным у европейских гуманистов.

На сочинения Пересветова повлияли такие произведения, как «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера, «Повесть о Дракуле», а также западноевропейские исторические сочинения.

Пересветов являлся апологетом самодержавного Русского государства, поддерживающего в первую очередь интересы дворянства и организованного на основе регулярно действующего чиновничьего и воинского аппаратов. В своих челобитных и аллегорических публицистических повестях Пересветов доказывал необходимость единой государственной формы правления и устранения боярства. Прибегая к историческим параллелям, он изображал существенные недостатки политической жизни Москвы и давал практические советы к их устранению.

О пагубном влиянии на судьбу государства боярской формы правления Пересветов писал в «Сказании о царе Константине». Рисуя губительное влияние византийского боярства на царя Константина и на судьбы Византии, автор «Сказания» аллегорически изображает засилье боярской партии в годы малолетства Грозного. Пересветов здесь, как и в других своих сочинениях, является сторонником царской «грозы»: *«Царь кроток и смирен на царстве своем, – говорит он, – и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр – царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».*

В Большой челобитной Ивану Грозному Пересветов, ссылаясь на волошского воеводу, уже прямо говорит о засилье в Русском царстве бояр: *«Так говорит Петр, волошский воевода про Руское царство, что велможи руского царя сами богатеют и ленивеют, а царство оскуждают его, и тем ему слуги называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лгут и государю».*

В «Сказании о Магмете-салтане» в замаскированной форме представлена целая политическая программа, предвосхищающая собой позднейшие государственные реформы Ивана Грозного, в частности учреждение опричнины. «Сказание» начинается с изображения судьбы Византии. Последний византийский царь Константин был гуманным и кротким правителем. Этими качествами царя воспользовались бояре, которые лишили его силы и могущества, в результате чего Византия была завоевана турками.

Магмет-салтан (этим именем автором назван Мехмед II), покоритель Византии, считал, что в государственных делах самое важное – правда. Эту правду он вычитал из греческих христианских книг, когда взял Константинополь, но государственная практика Магмета была совершенно иная, чем практика Константина. Он прежде всего очень сузил, почти свел на нет боярскую власть и привилегии, предоставив значительные преимущества воинству и уничтожив такую систему административного аппарата, при которой администратор брал в свою пользу налоги и пошлины, взимаемые им с населения: все налоги должны были идти в казну непосредственно, а чиновник получал определенное жалованье. Так же обстояло дело и с судебными пошлинами, чем ослаблялось царившее в государстве неправосудие. Султан искореняет «неправду», лихоимство и взяточничество в судах при помощи крутых и жестких мер: судей-взяточников он приказывает *«живых одрати»*, говоря: *«Есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отдается».* Собранную с судей кожу правитель велит набить бумагой и прибить в суде с надписью: *«Без таковые грозы правды в царстве не мочно ввести».* Столь же крутыми мерами добивается Магмет-салтан искоренения в своем государстве воровства и разбоя: *«А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрьмы нет, на третий день казнят смертною казнию для того, чтобы лихо не множилось».* Магмет, понимая, что царь силен и славен войском, заботится о создании образцового воинства и всячески покровительствует ему. Он содержит 40 тысяч «янычан», которым платит жалованье и дает *«алафу»* (финики) *по всяк день».* Всякие правонарушения Магмет искореняет сурово и беспощадно, руководствуясь тем, что *«как конь под царем без узды, так царство без грозы».* Расценивает своих подданных султан не по степени их знатности, а по качеству заслуг, особенно воинских: *«все есмя дети адамовы, – говорит он, – кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня лучшей будет».* Магмет, наконец, является противником рабства, которое он упраздняет в своем государстве, потому что *«в котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга».*

Пересветову была свойственна вера в силу человеческого разума и силу убеждения. Она заставляла его записать челобитные царю и публицистические памфлеты. Создаваемый им идеал самодержавного правителя также связан с этой верой. *«Мудрый философ»* Магмет присовокупляет к турецким книгам греческие, благодаря чему *«ино великия мудрости прибыло у царя».* *«Таковому было быти христианскому царю, во всем правду имети и за веру христианскую крепко стояти, – написал Магмет «в тайне себе».* В этих словах заключается идейный смысл «Сказания».

Для Пересветова Магмет является идеальным правителем. Автор доказывает необходимость «грозной» самодержавной власти: только она может установить «правые» порядки в стране и защитить ее для внешних врагов.

Пересветов не разъясняет смысла своей аллегории, как это делал Грек. Аллегория у него носит светский, исторический характер. По его мнению, история дает наглядный политический урок настоящему. Прием антитезы позволял Пересветову четко раскрывать основную мысль произведения.

Как отмечал Лихачев Д.С., в дворянской публицистике пафос преобразования общества сочетался с идеей ответственности правителя перед своими подданными за благосостояние. Выражению подобных мыслей лучше всего способствовали формы деловой письменности, которая активно проникает в литературу, способствуя ее обогащению.

Сочинения Пересветова написаны простым, энергичным языком, почти совершенно чуждым элементов церковно-славянской речи, без обычных у его современников цитат из «священного писания». Это делает его идея предельно ясными и выразительными.

Публицистические памфлеты Пересветова явились той политической программой, которая была частично осуществлена Иваном Грозным.

5. Переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского.

Иван Грозный вошел в историю как жестокий политик. Стремясь уничтожить феодальную знать, царь не останавливался перед репрессиями. Он ввел опричину, по его приказу был задушен митрополит Филипп (Федор Кольчев), осудивший политику правителя. В Москве были отравлены князь Владимир Старицкий, двоюродный брат царя, претендовавший на престол, его жена и дочь. Чтобы окончательно устранить всех возможных претендентов на престол, Грозный последовательно истреблял всех представителей старинных родов.

Естественно, что политика Грозного вызвала протест в среде боярства. Одним из тех, кто осмелился открыто выступить против царя, стал князь Курбский.

Андрей Михайлович Курбский (ок. 1528 – 1583) происходил из рода Ярославских князей – потомков Рюрика. О раннем периоде его жизни не сохранилось каких-либо достоверных сведений, однако известно, что уже в 1549 году он имел чин стольника и в звании есаула участвовал в Казанском походе. С этого времени он исправно нес как военную, так и государственную службу. Курбский участвовал в проведении либеральных государственных реформ, которыми был отмечен ранний период правления Грозного. Среди военных подвигов Курбского наиболее известно его участие в завоевании Казани в 1552 году, где он прославился как храбрый полководец. В 1556 году Курбский был пожалован боярским чином, к началу Ливонской войны в 1558 году командовал сторожевым полком. В апреле 1563 года был назначен воеводой в Юрьев (Дерпт). Через год, в апреле 1564 года после проигранного сражения в Ливонии бежал от гнева царя в Литву.

Причиной бегства Курбского могло послужить изменение отношения к нему Грозного и опасения за свою судьбу в обстановке начавшихся гонений. В Великом княжестве Литовском и на Волыни Курбский получил богатые земельные владения вместе с Ковельским замком, за что должен был нести военную службу и принимать участие в военных походах на стороне своего нового сюзерена – короля польского.

Вероятно, в молодости Курбский получил прекрасное для своего времени образование. Стиль Курбского обнаруживает в нем искусного оратора, умеющего сочетать патетичность речи со стройностью и строгой формальной логичностью её построения. Его литературная деятельность была стимулирована Максимом Греком. Грек оказал решающее влияние на Курбского, который неоднократно упоминал его в своих сочинениях, называя своим учителем.

Литовский период жизни Курбского отмечен большим количеством сочинений, из которых наиболее известными являются три послания к Грозному и «Истории о великом князе Московском», написанные в Литве в 70-е годы XVI века.

В первом послании к Грозному, написанном в 1564 году и переданном ему через своего слугу Василия Шибанова, Курбский, обличая царя в жестокостях по отношению к боярам, обращается к нему с гневной речью, построенной большей частью в форме риторических вопросов и восклицаний: *«Про что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси? и победоносную святую кровь их во церквах божьих, во владыческих торжествах проливал еси и мученическими их кровьюми праги церковные обагрил еси? и на добротных твоих и душу за ты полагающих неслыханныя мучения, и гонения, и смерти умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными оболгаючи православных и тцяся со усердием свет во тьму прелогати и сладкое горько прозыватьи? Что провинили пред тобою, о царю, и чим прогневали ты, христианский предстателю? Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тебе сотворили мужеством храбрости их, у них же прежде в работе (в рабстве) быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германские тцянием разума их от бога тебе даны бысть? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно (всячески) погубляя нас?»* и т. д. Курбский далее перечисляет все преследования, которые он претерпел от Грозного, начиная эту часть письма такими восклицаниями: *«Коего зла и гонения от тебя не претерпех! и коих бед и напастей на мя не подвигл еси!»* Свои укоры царю Курбский заключает также энергичным восклицанием:

«Избиенные тобою, у престола господня стояще, отомщения на тя просят, заточенные же и прогнанные от тебя без правды от земли ко богу вопием день и ночь!» Это свое писание, «слезами измоченное», Курбский обещает положить с собой в гроб, отправляясь на суд божий.

Получив вскоре в ответ на свое очень стройное и логичное послание многословное, пересыпанное обширными цитатами послание Грозного, Курбский так отзываясь о стиле Грозного: *«Широковещательное и многошумящее твое писание прях и вразумех и познах, иже от неукротимого гнева с ядовитыми словесы отрыгано, еж не токмо цареви, так великому и во вселенней славимому, но и простому, убогому воину сие было недостойно; а наипаче так ото многих священных словес хватано, и те со мноюю яростию и лютоштию, ни строками, а ни стихами, яко обычей искусным и ученым, аще о чем случится кому будет писати, в кратких словесех мног разум замыкающе; но зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами, и паремьями целыми, и посланьми!..»*. Курбский бросает Грозному упрек в том, что царь смешивает слова книжного и разговорного стилей: *«Туто же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину яко бы неистовых баб басни; и так варварски, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом...»*. Князя поражает, что Грозный решился послать столь нескладное послание в чужую землю, где имеются люди, искусные *«не токмо в граматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях»*.

«Курбский уже не убеждается доводами Иоанна,— писал Добролюбов Н.А.— у него другая точка опоры — сознание своего собственного достоинства. Взгляд его не может еще возвыситься до того, чтобы объяснить надлежащим образом и поступок Грозного с Шибановым; нет,— Шибанов пусть терпит, ему это прилично, и князю Курбскому нет дела до того, что приходится на долю Васьки Шибанова. Но с собой, с князем Курбским, аристократом и доблестным вождем, он не позволит так обращаться. За себя и за своих сверстников-аристократов он мстит Иоанну гласностью, историей».

Курбский не был идеологом того удельного «княжья», которое мечтало о возврате к порядкам, бывшим при его предках. Он не отрицал исторической роли Русского государства, но стремился к сохранению известной доли былых своих преимуществ и к оформлению господствующего положения крупных землевладельцев. Однако и такая позиция потомка ярославских князей в условиях тогдашней политической действительности была уже программой не сегодняшнего, а вчерашнего дня и потому явно обречена была на неудачу, тем более что за внешне очень стройной, эмоционально насыщенной и логически убедительной речью Курбского сквозила субъективная, личная и, наконец, по многом пристрастная оценка деятельности и поведения его противника.

Обида Курбского на Грозного была тем сильнее, что Курбский сознавал себя одним из тех преследуемых Грозным «княжат», которые, как и сам царь, происходили *«от роду великаго Владимира»*, о чем опальный князь и напоминал своему гонителю. «Это напоминание,— указывал Плеханов Г.В. — показывает, что спор Курбского с Иваном был не только спором служилого человека со своим государем. В известной мере он являлся также спором двух ветвей одного и того же «рода великаго Владимира». Иначе сказать: в лице Курбского говорил не только недовольный «вельможа»; в его лице говорил также,— а может быть, и ещё того больше? — один из потомков ярославских князей, обиженный одним из сильных князей московских».

Отрицательная оценка Курбским литературного стиля Грозного объясняется, разумеется, не только различием литературных навыков того и другого, но в первую очередь враждебным отношением Курбского к царю, которого он стремился скомпрометировать не только как государя и человека, но и как писателя. Грозный был человеком начитанным. *«Муж чюдного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело»*, — так характеризовали его ближайшие потомки. В то же время царю чуждо было академически выдержанное красноречие Курбского. При всей своей внешней неупорядоченности речь Грозного отличалась тем своеобразием, которое как раз обуславливалось его способностью свободно распоряжаться богатствами языковых средств, и книжных и просторечных, не стесняя себя никакими стилистическими канонами. В писаниях Грозного ярче, чем в писаниях Курбского, сказались непосредственность и непринужденность его очень индивидуальной речи и его горячий писательский темперамент.

Грозный был воспитан на иосифлянских литературных традициях. Осознав себя единоличным, самодержавным властителем, он утвердился в представлении о себе как о потомке Августа-кесаря и, по учению иосифлян, как о наместнике бога на земле. По его убеждению, все его подвластные без исключения были его холопы. *«А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя!»* — писал он Курбскому.

Грозный решительно возражает против того, чтобы царь делил свою власть с боярами, и против того, чтобы они вмешивались в его распоряжения. *«Како же и самодержеец наречется, аще не сам строит?»* — спрашивает он Курбского. *«Российская земля правитца божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, своими государи, а не судьями и воеводы, и еже ипаты (вельможи) и стратиги (военачальники)»*. Царская власть, по мысли Грозного, не подлежит критике со стороны подданных, как не подлежит

критике и божеская власть. Ссылаясь на апостола Павла, он утверждает, что всякая власть учинена богом и потому противящийся власти богу противится. За свои поступки царь несёт ответственность лишь перед богом, а не перед своими «холопами».

С гневом и раздражением Грозный перечисляет все обиды, которые он терпел от бояр во время своего малолетства. Он вспоминает, как были уничтожены многие «добрехоты» его отца, как была расхищена казна, как во дворце фактически воцарились князья Василий и Иван Шуйские, жестоко расправившиеся со своими противниками. В памяти Грозного воскресают картины безотрадного сиротского детства. *«Нас же, с единокровным братом, святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных или яко убожайшую чадь» «Нам бо во юности детства играющее, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем оперишия, о отца нашего о постелю ногу положив; к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское же, ниже начало обретяся».*

В двух своих посланиях к Курбскому, царь обнаружил типичные особенности стиля своих учителей – иосифлян. Рядом с велеречивостью и напыщенностью, склонностью к торжественной церковнославянской фразе, порой синтаксически очень усложненной, у него прорываются просторечие, грубое, бранное слово, прозаическая бытовая деталь, образное выражение, как это мы видели и у митрополита Даниила. Так, в архаически торжественный стиль первого послания к Курбскому вклиниваются фразы вроде следующей: *«Что же мне, собака, и пишеши и болезнуеши, совершив такую злобу? К чесому убо совет твой подобен будет паче кала смердяй?»*, или *«Почто и хвалишися, собака, в гордости, такожде и инех собак и изменников бранною храбростию?»* И в дальнейшем слова «собака», «собачий» часто прилагаются Грозным к его врагам. В ответ на угрозу Курбского, что он не покажет царю своего лица до страшного суда, Грозный пишет: *«Кто же убо восхоцет таковаго ефиопского лица видети?»*

Второе послание Грозного к Курбскому (1577 год) во много раз короче первого, написано значительно проще и яснее, почти разговорным и в то же время очень выразительным и картинным языком. В нем встречаем такие, например, просторечные фразы: *«А Курлятев был почему меня дутче? Его дочерям всякое узорчье покупай, – благословно и здорово, а моим дочерем – проклято да за упокой. Да много того. Что мне от вас бед, всего того не исписать».*

В 1577 году Грозный взял Вольмар, куда бежал Курбский, поэтому во втором письме, написанном вскоре после этого, царь иронически торжествует над князем-беглецом: *«А писал себе в досаду, что мы тебя в дальноконья грады, кабы опаляючися, посылали, – ино ныне мы с божиею волею своею сединою и дали твоих дальноконных градов прошли, и коней наших ногами переехали все ваши дороги, из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и воду во всех тех местах пили, – ино уж Литве нельзе говорити, что не везде коня нашего ноги были. И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принёс; а мы тут з божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконее поехал».*

В ответе на это послание Курбский преимущественно оправдывал себя, уснащая свою речь цитатами из Священного писания.

Таким образом, в посланиях Грозного и Курбского отразилась полемика по кардинальным политическим проблемам времени, связанная с характером государственного управления, местом и ролью в этом управлении царя, боярства, служилого дворянства. Произведения примечательны не только заключенными в них идеями, но и своим стилем, который свидетельствует о той своеобразной борьбе, которая шла в области литературы

Публицистика XVI века сыграла важную роль в формировании русской литературы и литературного языка. Ее традиции нашли отражение в публицистических повестях XVII века и произведениях протопопа Аввакума.

6. «Повесть о Петре о Февронии Муромских».

В повести о Петре и Февронии, которая по спискам именуется то «Повесть от жития», то «Житие и жизнь», то просто «Житие», рассказывается о событиях и лицах, связанных с Муромской и Рязанской землями. В этом произведении, как и в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина, нет каких-либо местных политических тенденций.

Несмотря на то, что политические судьбы Муром и Рязани издавна оказались обособленными, литературное творчество этих земель имеет много общего. Еще Буслаев Ф.И., имея в виду повести о Петре и Февронии, и о Юлиании Лазаревской отмечал, что «на долю Муром по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины». То же может быть сказано и относительно Рязани. Яркий образ рязанской княгини Евпраксии нарисован в «Повести о разорении Рязани Батыем». Татарское нашествие на Рязанскую землю вызвало к жизни и известную историческую песню об Авдотье-рязаночке, самоотверженно проникающей во вражескую землю и уводящей оттуда на Русь пленников. Княгиня Феврония также родом из Рязанской земли.

Герои повести – исторические лица. Князь Петр и его жена Феврония правили в Муроме в XIII веке и умерли в 1228 году. В 1547 году на московском церковном соборе они были канонизованы как «новые чудотворцы». Возможно, что к этому времени относится окончательное литературное оформление их жития, известного по спискам не ранее XVI века, но нет никакого сомнения в том, что не только устная легенда, ставшая основой книжной повести, но и сама книжная повесть существовала ранее канонизации обоих. Трудно допустить, чтобы в связи с канонизацией, да еще в период окончательного закрепления официального канона жития, непосредственно на основе устной легенды было написано столь далекое от житийного канона произведение. В нем отсутствует рассказ о религиозных подвигах святых, кстати сказать, людей светских и, если судить по повести, до пострижения в монашество не имевших даже близкого соприкосновения с церковью. Повесть, собственно говоря, не дает никаких указаний на те специальные заслуги Петра и Февронии перед церковью, за которые они были причислены к лику святых. Самый стиль повести чужд той риторической украшенности и абстрактного многословия, которые так характерны для житийных произведений вообще и для житий XV – XVI веков в частности. Язык ее отличается простотой и близостью к разговорному. Обильные диалоги, частью построенные в форме загадок и отгадок, мудрых сентенций, придают большую живость всему повествованию. Голая поучительная схема уступает место занимательному рассказу с богато развитой фабулой, насыщенной элементами народной сказки и в то же время включающей в себя подробности живого исторического быта.

Поэтому можно предположить, что для нужд канонизации в спешке была использована житийная повесть, написанная ранее и обращавшаяся до того в рукописях. В XV веке Пахомием Логофетом была составлена служба Петру и Февронии. В ней верующие приглашались восхвалить *«Петра благочестиваго», «иже прегордаго змия поправишаго вкупе с Февроньею»*. Возможно, что к тому же времени относится и первая литературная обработка устной легенды. Существует предположение, выдвинутое Ржигой В.Ф., о принадлежности окончательной литературной обработки повести в XVI веке писателю эпохи Грозного Ермолаю-Еразму.

Как указывает Скрипиль М.О. в повести объединены два народно-поэтических сюжета: волшебной сказки о мудром змее и сказки о мудрой деве.

В повести рассказывается о том, что в Муроме княжил, «самодержавствуя», Павел, к жене которого, стал летать «на блуд» змий, являвшийся к ней в своем естественном обличье, и предстающий перед людьми в образе князя. Павел, которому жена рассказала обо всем, посоветовал ей, притворившись расположенной к змию, выведать у него, от чего его ждет смерть. Жена так и сделала, и змий сказал ей, что смерть его – *«от Петрова плеча, от Агрикова меча»*. Когда Павел передал эти слова своему брату Петру, тот понял, что именно ему надлежит убить змия. По указанию чудесно явившегося ему в храме отрока, Петр находит в алтарной стене Агриков меч и убивает змия, предварительно приняв меры к тому, чтобы не спутать его с братом. Но брызги крови змея попали на лицо Петра, и тело его покрылось струпьями и язвами, от которых никто не мог его вылечить.

Услышав, что в Рязанской земле есть много врачей, Петр велел взять себя туда. Юноша из его свиты в поисках врача пришел в село Ласково и, войдя незамеченным в один дом, нашел там девушку, ткавшую полотно, перед которой скакал заяц. Увидев вошедшего юношу, она сказала: *«Нелепо есть быти дому безо ушю и храму безо очю»*. Не поняв этих слов, юноша осведомился у девушки, где тут человек мужского пола, на что получил ответ: *«Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави (смерть) зрети»*. Юноша, поняв, что он разговаривает с мудрой девой, попросил у нее разъяснения этих слов. Девушка объясняет, что если бы у нее был пес, он услышал бы приход незнакомца и залаял бы; был бы ребенок, он увидел бы его и сказал о появлении чужого человека, и тот не застал бы её сидящей «в простоте». Уши дому – пес, а глаза – ребенок. То, что родители девушки пошли плакать взаимы, значит, что они отправились провожать покойника и оплакивать его, с тем что, когда они сами умрут, их тоже оплакивали. А брат, как и отец, *«древолозец»*, занимается бортничеством, собирает мед на высоких деревьях и, чтобы не упасть, смотрит через ноги вниз, где ему угрожает смерть.

Февронья соглашается вылечить князя, если он на ней женится. Пётр, узнав об условии, предложенном Февронией, думает: *«Како, князю сушу, древолозца дщи пояти себе жену?»*, но, изнемогая от болезни, посылает сказать девушке, что он согласен на ее условие. Получив ответ князя, Феврония приготовила снадобье и отправила к князю, велев ему вымыться в бане и затем смазать свое тело тем снадобьем, оставив несмазанным только один струп. Петр, отправляясь в баню и задумав испытать мудрость Февронии, посылает ей маленький пучок льна с предложением выткать из него, пока он будет мыться, сорочку, штаны и полотенце. В ответ на это предложение Феврония велит отнести князю щепку от полена, чтобы он, пока она будет очищать лён, сделал ей ткацкий станок. Но так как Петр отказывается из такого малого куска дерева и в такой короткий срок сделать станок, то и Феврония, со своей стороны, также отказывается из маленького пучка льна в этот же срок сделать одежду для взрослого мужчины. Излечившись с помощью снадобья, Петр выздоровел, и после этого решил, что ему нельзя жениться на

Февронии *«отечества ея ради»*, о чем и велел ей сказать, послав ей при этом подарки. Февронья, отказывается от подарков и упрекает князя за то, что он нарушил свое обещание.

Вернувшись в Муром, Пётр опять начал болеть и снова вынужден ехать к Февронье за лечением. Феврония, *«нимало гневу подержав»*, сказала княжеским слугам: *«Аще будет ми супружник, да будет уврачеван»*. На этот раз Петр сдерживает свое обещание и берет Февронью в жены.

После смерти брата Петр вместе с женой начинает править в Муроме. Рисуя этот эпизод, автор повести касается традиционной для его времени темы взаимоотношений князя и бояр. Бояре невзлюбили Февронию, потому что она была не знатного рода. Однажды слуга, прислуживавший ей, сказав Петру, что княгиня прежде чем встать из-за стола, собирает в руку крошки. Петр, желая удостовериться в сказанном, велел Февронии обедать с ним за одним столом, и когда она, по обыкновению, взяла в руку крохи, разжал ее руку и увидел благоуханный ладан и фиимиам. С тех пор он уже не испытывал жену.

Спустя некоторое время к бояре приходят к Петру и заявляют, что они не хотят, чтобы Феврония господствовала над их женами. Они предлагают князю взять другую жену, а Февронью отпустить, дав ей денег. Петр, по своему обычаю, со смирением предложил боярам обратиться к самой княгине. Бояре устроили пир, на который позвали и Февронию; упившись, они стали вести бесстыдные речи, *«аки псы лающе»*, и от имени всего города и от своего предложили Февронии сделать то, что они у нее попросят. Она согласилась, и бояре предложили ей, взяв богатство, уходить, куда она хочет. Она не стала прекословить, но в свою очередь предложила, чтобы и они сделали то, о чем она попросит. Бояре с радостью согласились, и Феврония попросила, чтобы дали ей мужа – князя Петра, на что они, думая найти другого самодержца (каждый мечтал, что сам станет правителем), ответили: *«Аще сам восхоцет, ни о том тебе глаголем»*. Петр же поступил по Евангелию и, пренебрегши своей властью, отплыл вместе с Февронией из Мурома по Оке.

На корабле Феврония угадывает нечестивые помыслы человека, который смотрел на нее с вожделением. Она предлагает ему зачерпнуть с одной стороны судна воды и выпить ее и то же сделать, взяв воды с другой стороны судна. Когда тот человек это сделал, Феврония спросила: *«Равна ли убо си вода есть, или едина сладши?»* Он же отвечал: *«Едина есть, госпоже, вода»*. Тогда она сказала: *«И едино естество женское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжия мыслиши?»*

Рисуя отношения бояр и князя, автор явно стоит на стороне последнего, подчеркивает неспособность его подданных разумно устроить свою жизнь без верховной власти. Многие бояре в борьбе за власть погибают, а оставшиеся в живых умоляют князя снова занять свой престол. Таким образом, политический конфликт князя и боярства разрешается в пользу правителя.

Агиографические элементы не играют в произведении существенной роли. Фактически с житиями произведение сближает лишь его заключительная часть, в которой повествуется о благочестивой кончине Петра и Февронии и посмертном чуде.

Незадолго до смерти князь и его жена приняли монашество и скончались в один день. Когда Феврония вышивала для храма богородицы воздух (покрышку для чаши), Петр послал к ней сказать, что он умирает и предлагает ей умереть одновременно с ним. Феврония дважды просит дать ей срок, чтобы она могла закончить работу. Посылая в третий раз, он говорит: *«Уже хошу преставитися и не жду тебе»*. Побуждаемая мужем, Феврония прекращает шитье и велит сказать Петру, что готова умереть вместе с ним.

После смерти Петра и Февронии люди положили их в отдельные гробы, ссылаясь на то, что неприлично супругам, принявшим монашество, лежать вместе, но на следующий день тела обоих оказались в общем, заранее приготовленном ими гробу. Люди второй раз попытались разлучить супругов, но и на этот раз они соединились, и после этого их оставили вместе.

Петр и Феврония изображаются прежде всего в личных отношениях, приводящих их к женитьбе, за которой следует идеальная любовь, сохраняющая свою силу, несмотря ни на какие внешние препятствия. Эта неиссякаемая сила любви находит свое высшее выражение в том, что оба супруга, не мысля возможности пережить друг друга, умирают в один и тот же день и час и физически не разлучаются даже после смерти.

Примечательно, что воплощением и носительницей активного чувства любви в повести является Феврония. Она, по сравнению с Петром, – натура гораздо более волевая и внутренне одаренная. Своим даром любви и красотой своего душевного облика она пробуждает ответное чувство в пассивной и в духовном отношении довольно заурядной натуре князя. Она – распорядительница судьбы своей и любимого ею человека, он же – ее покорный раб, полюбивший ее за превосходство над собой и во всем ей подчиняющийся. Она – простая крестьянская девушка, дочь бедного *«древлазца»*, сначала побеждает сословное предубеждение против нее князя, затем одерживает верх над чванством бояр и боярских жен, не могущих помириться с тем, что крестьянская девушка стала их княгиней. Противобоярская тенденция повести сказывается и в том, что бояре в конце концов подчиняются единодержавной власти князя.

Как уже указывалось, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» изобилует фольклорными мотивами: змей-оборотень, вступающий в связь с замужней женщиной, которая выпытывает у него, от

чего ему может приключиться смерть; чудесный меч-кладенец, от которого змей погибает; мудрая дева, говорящая загадками и отводящая неисполнимые требования сходными требованиями, предъявляемыми с ее стороны; чудесные превращения, вроде превращения хлебных крошек в ладан; получение мужа при изгнании как самого дорогого подарка. В фольклорных произведениях (сказках, былинах, загадках) можно найти все вышеотмеченные фольклорные образы и мотивы. Частично они присутствуют и в книжной литературе (например, мотив загадок и неисполнимых требований). Эпизод посрамления Февронией на судне человека, с вождением смотревшего на нее, сходен с аналогичным эпизодом посрамления княгиней Ольгой Игоря, читаемом в житии княгини, вошедшем в историческое сочинение XVI века – «Степенную книгу».

«Повесть о Петре и Февронии» была в свое время очень популярна: об этом свидетельствует то, что она сохранилась приблизительно в 150 списках, разбивающихся на четыре редакции, из которых третья отразила в себе некоторые характерные черты стиля светских повестей петровского времени. В ней, кроме того, присутствует в качестве друга и советчика Петра воевода Евстратий. Судя по тому, что такой друг и советчик присутствует и в старинных сказаниях разных народов, можно думать, что этот персонаж имелся уже в устной легенде о Петре и Февронии. Сюжет повести в значительной степени использован в опере Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже».